

Возвращение к истокам

От Автора

Предлагая эту книгу читателю, мне хотелось бы сразу предупредить его о том, что намерение этой книги не судящее или осуждающее, но разъясняющее, хотя элемент суда и присутствует здесь, как необходимое и неотъемлемое проявление, лежащее в основании как природы Бога, так и в основании Его Божественных Глаголов, в Учении Иисуса Христа, пришедшего во плоти.

Долгое время я не решался браться за перо и медлил, доколе Бог определенно не открыл мне Свою волю в нужде Своего народа. И если читатель найдет здесь нечто резкое и бичующее, то это ни что иное, как глубокая боль и сострадание о немощи, невежестве и закоснелости народа Божьего в его духовной жизни, боль, доходящая до возмущения духа.

Церковь на сегодняшний день переживает как обновление, так и особенно тёмное время. В среде народа Божия и его многих руководителей господствует потрясающее невежество и неведение относительно ключевых позиций Евангелия - "Начатков Учений", этой великой тайны домостроительства Божия, этого якоря, Удерживающего Церковь в бурю и шторм человеческой философии и сатанинского обольщения, без которого она носится в океане человеческого интеллекта, сверхъестественного откровения дьявола и нездоровых преданий павших вождей христианства. Эта боль и вылилась с откровением Духа Святого из глубин моего сердца. Открыв всё на страницах, я практически открыл себя для критики тех, кто рассматривает себя еще в "розовом свете". Но для тех, кто переживает тёмные часы мрака и отчаяния, эта книга прольёт свет на непоколебимое и неизменное основание Божественного Престола. Я родился в одном из северных городов и в возрасте шести лет познал Господа, как своего личного Спасителя. Мой дядя в годы репрессий, в сложных обстоятельствах своей жизни обратился к Господу. По своём освобождении из места заключения он поселился у нас. Так я впервые услышал о Господе. Меня он возил, как мне помнится, зимой на санках в собрание верующих людей, собирающихся в разных домах из-за гонений, которые были нормой того времени. Это была небольшая община живых христиан. Как сейчас, я отчётливо помню все детали этих служений, расположение мебели, людей и тот стул, на котором я сидел.

В те детские годы я не помню ни одного служения, в котором бы я не ощущал явно и четко присутствия Духа Святого, помазующего Своею силою. И всякий раз я испытывал трепетное волнение и священный восторг. Переехав на юг, мы влились в такую же сплоченную и живую общину христиан, которые учили о крещении Духом Святым со знамением иных языков. Я не помню, в то же время, какого-нибудь особенного учения, разъясняющего суть и смысл Евангелия, которое преподавалось бы в общении. Но я хорошо помню дух сплоченности и любви, действовавший в народе Божиим.

Постоянные репрессии выдвигали "героев веры" и чтобы стать таковыми, совершенно не требовалось духовной зрелости, для этого достаточно было тюремного стажа. Таких людей в общине по-особенному отличали, к ним прислушивались.

Слова их и действия становились предметом подражания. Они пользовались особым авторитетом. Слово "узник" производило впечатление такое же, как слово "Царь".

Перед ними благоговели и полагали перст на свои уста, чтобы выслушать, что скажет "мудрость".

Со временем волна репрессий стала утихать и на поверхность стали всплывать

"узники". Они, как правило, получали бразды правления в свои руки. Не все, но многие из них не обладали духовной зрелостью, которая в те времена, как было сказано выше, измеривалась стажем заключения. Вследствие этого руководство попало в руки людей душевных, плотских, младенцев во Христе.

Они, во-первых, не могли принять то, что исходило от Духа, так как ... душевный человек почитает сие безумием, потому что о сём надобно судить духовно (1Кор. 2:14).

Во-вторых, они окружали себя себе подобными. За духовность, в силу этого, в разных местах выдавалось: то развитый интеллект и природные дарования, то ещё хуже, нездоровые проявления людей ограниченных, с явно повреждённым рассудком, не способных к трезвому мышлению, что также выдавалось за особый род духовности. Приходя в зрелый возраст, я неоднократно падал, снова вставал и снова падал. И чем взрослее я становился, тем мучительнее переживал свои отклонения.

С одной стороны, я горел в моём духе и хотел служить Господу, а с другой стороны - где-то, как мне казалось тогда, в глубине моего духа, я постоянно слышал обвинение моей совести, чувство неполноценности овладевало мной и я испытывал постоянный дискомфорт и неудовлетворённость.

Я тогда ещё не понимал и не отличал голоса моей совести от голоса обвиняющего меня клеветника, действующего под прикрытием моего неведения, якобы от моей совести. Я раздирался между двумя желаниями: служить Господу и совершать грех. Я морил себя постами и молился, полагая таким способом освободиться от греха. Оставаясь наедине сам с собою, я ругал себя и позорил по-всякому, насколько мне позволяло моё познание верующего человека.

Но несмотря ни на что, всё-таки я падал и срывался. Мне было весьма досадно, мне казалось, что я только один такой неудачник. Все как-то верят ровно, а я один делаю такие зигзаги, как человек, лишившийся ориентации.

Тем не менее, я снова и снова усиливал моё стремление к Богу и использовал все доступные мне средства, но история повторялась, и я вновь срывался и летел в грязь. И, всякий раз, я говорил сам себе: "Ну вот и всё, кажется, это конец", только жгучая тоска по небу вновь поднимала меня, и я брёл дальше.

Только один Бог видел бездну моего отчаяния и безысходности. Я жадно ловил каждое слово, которое могло бы мне помочь, но всё было бесполезно. Неоднократно в отчаянии и слезах молил я Бога о том, чтобы мне умереть. Я говорил: "Господи, оставь меня, Ты же видишь, что из меня все равно ничего не получается".

И вот в момент моего кризиса, когда я лежал на лопатках в грязи и, как кажется, прощался с дорогим до боли мне небом с щемящей тоской в груди, я снова обратился к Богу со словами: "Отец! Можешь ли Ты помочь мне теперь, когда я уже больше не верю в себя, что я на что-то способен, можешь ли Ты поднять и оживотворить меня, дать мне надежду и радость?"

И тогда Он тихо стал говорить ко мне через Своё Слово в моём духе. Я увидел небольшую соломинку на поверхности и отчаянно за неё схватился. Я по-новому стал читать Новый Завет - так, как я его никогда не читал раньше. С удивлением для себя я стал отмечать, что мои теологические взгляды совершенно не совпадают с изложением той вести, которая называется Евангельской.

Что-то проснулось во мне и запело торжественную песнь, резко изменилось мое отношение ко греху, он стал мне ненавистен. Я стал применять к себе Слово Божие независимо от того, как понимает Его моё окружение.

Мои духовные мышцы окрепли, и я почувствовал в себе силу противостоять натиску

смерти, вскрывать её, под каким бы прикрытием она не выступала.

Всё это стало для меня возможным благодаря тому взгляду на Начатки Учения, которые описаны в этой книге.

Обращение к начаткам - это возвращение к Истокам, к новизне и свежести первоначального излияния Духа и Огня, к первым, девственным дням ещё неомрачённой пятидесятницы.

Это клич последних дней, предвестников дня Господня, великого и страшного, имеющий целью - обратить сердца детей пятидесятницы к отцам пятидесятницы.

Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного.

И он обратит сердца отцов детям и сердца детей к отцам их, чтобы Я пришед не поразил земли проклятием. (Мал. 4:5-6).

Первая половина этого пророчества была исполнена в начале последних дней, во дни Иоанна Крестителя, который обращал сердца отцов Закона Моисеева (детоводителя ко Христу), ведущего детей ко Христу - к тем самым детям, которым надлежало стать Отцами пятидесятницы.

Второй половине - надлежит вступить в силу в конце последних дней, в лице определённых святых, категории младенца мужеского пола, облечённых духом Илии, внезапно восставших в среде народа Божия, и, как мука родами, потрясших эту среду, имеющих полномочия обращать сердца детей пятидесятницы к отцам пятидесятницы, которые, как и Илия и Иоанн Креститель, будут гонимы и не признаны официальным религиозным синодом последних дней.

Это произойдёт настолько быстро и внезапно и распространится по всему лицу земли, чтобы, с одной стороны: произвести суд над пророками Ваала (движением ложной харизматии), питающимися от стола Иезавели (религиозных вождей, основывающихся не на силе креста, а на силе сверхъестественных явлений), а с другой стороны - обратить великое множество людей от власти сатаны к Богу и приготовить святых к восхищению при Утренней Звезде.

Заповеди Божественного происхождения, по отношению к заповедям человеческим, определяются тем, что человеческие заповеди со временем ветшают, костенеют и обрастают, в силу чего становятся неудобноносимыми, в то время, как заповеди Божественного происхождения, в смысле познания, имеют постоянную новизну, тенденцию обновляться и расширяться по кругу: в широту, долготу, высоту и глубину. Я видел предел всякого совершенства; но Твоя заповедь безмерно обширна. (Пс. 118:96). Поэтому ни один человек не может претендовать на абсолютизм в познании Истины. Я охотно подписываюсь под этими словами.